

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья

УДК: 316.422

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-25-42

ИННОВАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАКТИК

*Елена Александровна Васильева¹✉, Александр Федосеевич Борисов²,
Алексей Викторович Чечулин³*

^{1,2}*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*

³*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

¹*Vasilieva_ea@bk.ru✉, ORCID: 0000-0003-3185-3957, AuthorID РИНЦ: 721164*

²*Borisovaf@herzen.spb.ru, AuthorID РИНЦ: 278579*

³*Chechulin-av@ranepa.ru, ORCID: 0000-0001-7643-3679, AuthorID РИНЦ: 75101*

Аннотация. *Целью исследования* является обзор инноваций в социальной сфере, разработанных в зарубежных странах и призванных обеспечить более эффективный переход к инновационной экономике и социальному государственному управлению.

Методологическую базу исследования представляют отдельные положения теории социальных инноваций, а также концепция социального управления. Исследование проводилось методом сравнительного анализа.

Результаты исследования. *Инновационность экономики оценивается по таким показателям, как доступность информации, наличие развитой инфраструктуры, диджитализация производственных отраслей и высокий уровень качества подготовки кадров. Среди технологических инноваций в настоящее время наибольший интерес представляют цифровые технологии, которые направлены в том числе на персонализацию процесса предоставления услуг, что повышает уровень удовлетворенности потребителей. Среди организационных инноваций наибольшее распространение получает технология аутсорсинга, предусматривающая с одной стороны сетевой характер инфраструктуры за счет вовлечения небольших организаций, погруженных в местную специфику, и в то же время гарантирующая единство стандартов и нормативов предоставляемых услуг. Социальные инновации — это одновременно: а) процесс разработки и внедрения технологий, в том числе цифровых, позволяющих усовершенствовать процесс предоставления общественных благ, и б) процесс делегирования полномочий государства по регулированию тех отраслей экономики, целью деятельности которых является обеспечение качества жизни граждан и повышения человеческого капитала страны. Обобщение зарубежного опыта социальных инноваций позволяет разработать механизм учета потребностей граждан, который дает возможность актуализировать потенциал местного сообщества, в том числе в части изобретения техни-*

ческих и организационных инноваций, обеспечивая тем самым социально-экономическое развитие всего государства.

Перспективы исследования заключаются в развитии и коррекции государственной политики в области инновационного развития социальной сферы Российской Федерации.

Ключевые слова: инновации, социальная сфера, государственное управление, инновационные практики, управляемость, социальные услуги

Для цитирования: Васильева Е. А., Борисов А. Ф., Чечулин А. В. Инновации в социальной сфере: социологический анализ зарубежных практик // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, №5. С. 25–42. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-25-42>.

Original article

INNOVATIONS IN THE SOCIAL SPHERE: SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF FOREIGN PRACTICES

Elena A. Vasilieva¹✉, Aleksandr F. Borisov², Alexey V. Chechulin³

^{1,2}*Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia*

³*Saint-Petersburg Electrotechnical University «LETI» (ETU), Saint Petersburg, Russia*

¹*Vasilieva_ea@bk.ru* ✉, ORCID: 0000-0003-3185-3957, AuthorID RSCI: 721164

²*Borisovaf@herzen.spb.ru*, AuthorID RSCI: 278579

³*Chechulin-av@ranepa.ru*, ORCID: 0000-0001-7643-3679, AuthorID RSCI: 75101

Abstract. *The purpose of the study is to review the innovations in the social sphere developed in foreign countries and designed to ensure a more effective transition to the innovation economy and social public administration.*

The methodological basis of the research is represented by certain provisions of the theory of social innovation, as well as the concept of social governance. The study was conducted by the method of comparative analysis.

Research result. *The innovativeness of the economy is assessed by such indicators as accessibility of information, availability of developed infrastructure, digitalization of production sectors and a high level of quality of personnel training. Among technological innovations, digital technologies are currently of the greatest interest, which are aimed, among other things, at personalizing the process of service provision, which increases the level of customer satisfaction. Among organizational innovations, the most widespread is the technology of outsourcing, which, on the one hand, provides for the network nature of infrastructure through the involvement of small organizations immersed in local specifics and, at the same time, guarantees the unity of standards and norms of services provided. Social innovations are simultaneously: a) the process of development and implementation of technologies, including digital technologies, which allow improving the process of providing public goods and b) the process of delegating the state's authority to regulate those sectors of the economy, the purpose of which is to ensure the quality of life of citizens and increase the country's human capital. The generalization of foreign experience of social innovation allows us to develop a mechanism for taking into account the needs of citizens, which allows to actualize the potential of the local community, including the invention of technical and organizational innovations, thus ensuring the socio-economic development of the entire state.*

The prospects of the study lie in the development and correction of the state policy in the field of innovative development of the social sphere of the Russian Federation.

Keywords: *innovation, social sphere, public administration, innovative practices, governability, social services*

For citation: *Vasilieva E. A., Borisov A. F., Chechulin A. V. Innovations in the social sphere: sociological analysis of foreign practices // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 25–42. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-25-42>.*

Введение. Понятие инноваций и инновативности появилось в отечественной литературе и практике государственного управления сравнительно недавно, хотя не является новым в управленческой литературе. Традиционно это понятие фокусируется на технологической сфере и трактуется как изобретение и внедрение в практическую деятельность технических новшеств как за счет появления новых материалов, так и вследствие использования новых методов обработки известных ресурсов. Но вместе с тем инновации трактуются и как усовершенствование административных процедур, направленное на активизацию потенциала самоорганизации для минимизации транзакционных издержек.

Соответственно, в социальной сфере инновации подразделяются на две группы: с одной стороны, это технологические новшества, позволяющие предоставлять социальные услуги более эффективно и с наименьшими затратами; с другой — это организационные новации, целью которых является делегирование функций по реализации этих услуг в негосударственную сферу. Их основными задачами являются:

1) снижение государственных затрат на предоставление общественных благ, которые априори признаются нерыночными, но одновременно жизненно значимыми для сохранения сообщества;

2) повышение качества предоставляемых услуг за счет максимально возможного учета специфических потребностей, характерных для различных малых социальных групп (обособленных как территориально, так и культурно);

3) обеспечение контроля качества предлагаемых услуг за счет установления нормативов и регулирования договорных отношений и конкурсных процедур.

Социальные инновации в современном государственном управлении — это глобальное изменение (трансформация) принципа взаимодействия гражданского общества на партнерство, целью которого является повышение уровня социального доверия и единства. Проблемой остается при этом соотношение технологической и процессуальной составляющей: широко распространено, в том числе в научной литературе, мнение, что новые технологии, особенно информационные («цифровизация», «диджитализация» и т.п.), способны автоматически обеспечить повышение эффективности любой деятельности.

Целью настоящей статьи является обзор инноваций в социальной сфере, разработанных в зарубежных странах и призванных обеспечить более эффективный переход к инновационной экономике и социальному государственному управлению. Гипотеза исследования заключается в том, что необходимым условием эффективности социальных инноваций является децентрализация и клиентоориентированность процесса предоставления социальных благ.

Обзор литературы. Понятие «инновация» в управленческую научную мысль было внедрено Й. Шумпетером [34], и позже было конкретизировано в пяти подходах к определению инноваций:

1) как вовлеченность в экономический оборот результатов интеллектуальной деятельности для получения прибыли;

2) как введение нового продукта или трансформация известной идеи в новый или улучшенный продукт, услугу, рабочий процесс или новый метод, пользующийся спросом на рынке;

3) как сдвиг производственной функции;

4) как процесс приобретения изобретения или идеи экономического содержания;

5) как способ удовлетворения общественных потребностей, основанный на достижениях науки и техники [3].

В отечественной литературе инновация определяется в двух основных значениях: технологическом (как усовершенствование техники и технологий) и процессуальном (как усовершенствование административных процедур). Второе значение стало предметом специального направления стратегического управления — инновационного менеджмента, целью которого является формирование векторов производственной и научно-технической деятельности организации для вывода на рынок новой или усовершенствованной продукции [14].

К концу XX века сформировалась концепция инновационной экономики, которая сосредоточена на обеспечении непрерывного процесса технологического совершенствования за счет наращивания знаний и совершенствования информационно-коммуникационной системы как производственного фактора [27]. Этот уклад выдвинул на первый план совершенствование организационных процессов [22], ключевыми требованиями стали экономичность (принцип «малозатратного государства»), эффективность и энергичность в терминологии Г. Питерса и Дж. Пьера [32], а также продуктивность, маркетингизация, ориентация на клиентов, децентрализация, ориентация на цели, заданные политиками, и отчетность по результатам [17].

По нашему мнению, внедрение инновационного государственного управления подразумевает изменение ценностных установок и поведенческих паттернов в коммуникационной сфере, как внутри бюрократической системы, так и при взаимодействии с гражданским обществом [6]. Методами, которые позволяют обеспечить успешность инновационного государственного управления, как правило, называют: децентрализацию процесса принятия решений; обеспечение открытости и транспарентности информации, касающейся общественно значимых процессов; вовлечение институтов гражданского общества в процессы стратегического планирования, в том числе на эта-

пе целеполагания, посредством организации общественных слушаний и привлечения экспертного сообщества; делегирование прав принятия решений по вопросам местного значения, в том числе в негосударственную сферу, например, по образцу национальных диаспор коренных народов Севера в Канаде (территория Нунавут) [18].

Особое значение инновативное государственное управление приобретает в социальной сфере, то есть отрасли производства общественных благ (public goods), направленных на удовлетворение потребностей граждан в коллективных неконкурентных услугах, качество которых определяет качество жизни каждого гражданина и общества в целом [13]. Категория «общественное благо» была предложена П. Самуэльсоном, который указывал, что особенностью этих услуг является совместное потребление с осознанием того, что «потребление любого индивида не приводит к уменьшению потребления другого» [33, с. 387]. При этом полезность этих благ имеет внешний потребительский эффект, то есть издержки или выгоды от их предоставления помимо непосредственных участников транзакции распространяются также и на иных агентов, а потому имеют значительное социальное значение и не могут осуществляться без государственного участия.

Под социальными инновациями понимается инструмент правительства, направленный на обеспечение эффективного управления через сеть общественных субъектов [31]. Это процессуальный аспект инновативности, включающий трансформацию ключевых принципов взаимодействия, стимулирования деятельности негосударственного сектора посредством создания новых общественных практик, социальных движений и даже социальных институтов. Основной задачей социальных инноваций является создание таких условий, в которых гражданское общество приобретает черты субъектности, принимая на себя часть полномочий и ответственности государства, снижая тем самым уровень социального напряжения и обеспечивая общественное единство, самоорганизацию и взаимопомощь.

Эффективность социальных инноваций традиционно оценивается по трем основным

критериям¹ [4]: доступность, разнообразие, учет потребностей населения. В социологии потребность понимается как субъективное ощущение нехватки какого-либо материального объекта либо недостаточности желательных эмоциональных переживаний. Социальная потребность может не только возникать спонтанно, но и сознательно формироваться в ходе инновационной активности, что определяет пределы управляемости, традиционно понимаемой как реальная возможность рационального вмешательства в протекание процесса управления, возможность влияния на него в желательном для субъектов управленческих практик направлении [7], а также как качество социальной среды, позволяющее социализированным субъектам устанавливать и достигать конкретные цели во взаимодействии друг с другом [19]. При этом содержание взаимодействия приобретает ярко выраженный субъект-субъектный характер: управляющие субъекты — государство и производители услуг — предлагают потребителям свое видение системы, а управляемый субъект — граждане, как атомизированные, так и солидаризованные — выдвигают свои контрпредложения в формате инноваций.

К основным проблемам, связанным со стимулированием инноваций в социальной сфере в России, относят:

1) противоречие между требованием диверсификации и принципом централизации и унификации государственных услуг, что затрудняет возможность применения некоторых методов стимулирования разнообразия [24];

2) проблема формирования спроса на рынке социальных услуг [28].

Таким образом, для повышения эффективности инноваций в социальной сфере в России должна быть сформирована собственная модель организации социальных инноваций, опирающаяся на перспективные зарубежные практики, передовые информационные технологии и учитывающая особенности отечественной модели государственного управления.

Зарубежные модели организации инноваций в социальной сфере

Великобритания: социальная сфера как государственный заказ

В Великобритании социальные инновации формировались на принципе снижения роли органов государственной власти в процессе определения размера социальных выплат и активного привлечения частных страховых компаний. Государственные социальные агентства стали, по сути, посредниками между гражданами, нуждающимися в конкретных услугах для удовлетворения своих потребностей в сфере социальной поддержки, здравоохранения или образования, и организациями, которые такие услуги оказывают [25]. В задачи менеджера входит изучение потребностей клиентов, поиск решений для их удовлетворения, заключение соответствующих договоров, а также учет и контроль качества предоставляемой помощи, но выбор конкретной организации, которая будет предоставлять услуги и, соответственно, получит возмещение своих затрат из страхового фонда, предоставлен самому гражданину-потребителю.

В результате в Великобритании сформировалась и получила широкую общественную поддержку система так называемого социального предпринимательства, под которым понимается «самостоятельная, прозрачная и подотчетная организация с четкой социальной и/или экологической миссией, которая генерирует большую часть своих доходов за счет продажи собственных товаров и/или услуг и реинвестирует большую часть своей прибыли» [5]. Роль государства при взаимодействии с этой экосистемой сводится фактически к реализации четырех функций: 1) аккумулярование финансовых ресурсов, предназначенных для реализации задач социальной поддержки граждан; 2) определение перечня и критериев качества социальных услуг, необходимых для удовлетворения потребностей клиентов; 3) отбор организаций, услуги которых соответствуют определенным критериям, и 4) учет и контроль качества работы этих организаций в формате обратной связи. При этом с учетом

¹ Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 18.06.2023).

действующей системы «кейс-менеджмента» в случае, если частные инновации становятся популярными, то социальные агентства по запросу потребителей, могут заключить договор на предоставление таких услуг за счет бюджетных средств.

В 2010-х годах в Великобритании широкое распространение получили инновации, позволяющие гражданам удовлетворять свои социальные потребности в формате самоорганизации с использованием сетевых информационных технологий. Так, например, в 2011 году была запущена платформа CASSEROLE CLUB (<https://www.casseroleclub.com>), предоставляющая возможность разделить остающуюся после ужина домашнюю еду с пожилыми соседями, проживающими одиноко, что способствует преодолению социальной изоляции, сплочению местных сообществ и снижению расходов на социальную поддержку одиноких пожилых.

Таким образом, сложившаяся модель социальных инноваций в Великобритании представляет собой своеобразную систему социального заказа: преобладающим актором является потребитель социальных услуг, который формулирует свою нужду и выбирает наиболее удобный для него формат ее удовлетворения; организации, предоставляющие социальные услуги, находятся в высококонкурентной среде и вынуждены совмещать необходимость обеспечения определенных критериев качества с привлечением внимания потенциальных клиентов к своим услугам в том числе за счет инноваций как организационных, так и технологических; государственные органы выполняют преимущественно функции контроля качества и поддержки наиболее актуальных и популярных инноваций.

Германия: опора на общинное сознание

В отличие от Великобритании, в Германии не отказались от ответственности государства за реализацию социальных услуг, напротив, организация работы в социальной сфере активно опирается на иерархический механизм управления. Традиционным субъектом социальной правовой политики в Германии являлись коммуны (общины), которые еще со Средних веков имели высокий уровень самостоятельности и фактически представляли собой государство в миниатюре [23].

Сложившаяся в ФРГ система, получившая название «социальное рыночное хозяйство», была построена на модели социального страхования и базировалась на таких принципах, как принцип субсидиарности (полномочия государственных органов перераспределяются снизу вверх, от коммун до федеральных органов), принцип солидарности (когда финансирование потребностей нуждающихся социальных групп осуществляется за счет более обеспеченных групп, например, пенсионное обеспечение старших поколений обеспечивается работающими гражданами, которые ожидают такого же попечения от младших поколений) и принцип эквивалентности (устанавливающий зависимость размера социальных выплат от суммы страховых взносов) [20]. Государство в этой системе становится не управляющим, а регулирующим и гарантирующим субъектом, то есть удовлетворение потребностей осуществляется преимущественно за счет внутренних ресурсов общины. Социальные инновации относятся к зоне ответственности организаций (публичных корпораций), функционирующих в социальной сфере, хотя защита граждан от рисков рыночных отношений остается зоной ответственности органов власти [26]. Таким образом, в Германии сейчас социальная политика опирается на исторически сложившуюся систему самоуправления. Член общины солидарно участвует в формировании страховых фондов, осуществляя выплаты из своих доходов, и в случае наступления страхового случая (заболевание, несчастный случай, потеря работы, потеря трудоспособности как в связи с возрастом, так и вследствие болезни) он вправе требовать удовлетворения своих потребностей за счет этих фондов. Социальную помощь оказывают специализированные учреждения, деятельность которых сосредотачивается преимущественно на помощи пожилым людям, людям с тяжелыми заболеваниями, а также на содействии в воспитании детей. Уровень требований к качеству социальных услуг достаточно высокий, что практически исключает возможность деятельности волонтерских организаций, но, тем не менее, помощь носит преимущественно адресный характер. Это определяет прикладной характер большинства внедряемых инноваций, боль-

шинство из которых направлены на облегчение деятельности социальных работников, например, специализированные программы для стимулирования умственной активности больных деменцией (см., например, www.retrobrain.de).

Финляндия: опора на институты гражданского общества

Финляндия представляет собой социальное государство с ярко выраженной ориентацией на скандинавскую модель регулирования социальной сферы. Перечень и качество социальных услуг гарантируется государством и реализуется муниципалитетами за счет широкой налоговой базы, а также субсидий, предназначенных для выравнивания размера доходов [1].

Одним из ключевых принципов государственного управления в Финляндии является требование открытости и гласности, касающееся в первую очередь информации о правах граждан, которое также распространяется и на процесс принятия общественно значимых решений. Это обуславливает значимость общественных организаций как для граждан, которые используют их в качестве канала для взаимодействия с чиновниками, так и для государства, которое опирается на них как на полноценных участников самоуправления. Большинство граждан состоят в различных объединениях, некоторые сразу в нескольких, при этом значительное число этих объединений не ведут политическую деятельность, а сосредоточены на отстаивании интересов малых социальных групп, выполняя функции коммуникационного канала между гражданами и государством, особенно на местном уровне. Именно поэтому организация социальных инноваций относится к сфере совместных полномочий муниципалитетов и гражданского общества.

Социальные инновации, внедренные сейчас в Финляндии, можно условно сгруппировать по двум основаниям: персонализация социальных услуг и технологические решения, позволяющие снизить бюджетные затраты. Так, например, в сфере заботы об одиноко проживающих пожилых людях государственная политика заключается в максимальном продлении возможности самостоятельного проживания в собственном доме [2]. Технические инновации для этой категории граж-

дан направлены как на повышение качества их жизни за счет, например, устройств, позволяющих облегчить бытовые условия (приборы для голосового оповещения и напоминаний, миниатюрные слуховые аппараты и т.п.), так и на оптимизацию усилий медицинского персонала по предоставлению услуг по уходу (сенсорные коврики, подающие социальному работнику сигнал в случае падения, или дозатор, сигнализирующий медицинскому персоналу в том случае, если пациент не принял лекарственное средство в установленное время). При этом зачастую муниципальные программы, реализуемые на принципах государственно-частного партнерства, совмещают оба вида инноваций.

Таким образом, в Финляндии социальные инновации реализуются на принципе активного участия общественных организаций. Именно они выявляют и актуализируют социальные потребности граждан, отбирают и апробируют решения, как технологические, так и организационные, которые позволяют максимально персонализировать эти услуги с учетом потребностей конкретного клиента. Наиболее удачные инновации финансируются за счет муниципальных средств, а в случае их недостатка — за счет специализированных фондов, и рекомендуются к внедрению в государственных и частных учреждениях, предоставляющих социальные услуги. Контроль их качества при этом остается за государством, которое также централизованно устанавливает нормативы, опираясь на требование социальной справедливости и ориентацию на качество жизни.

Япония: гармония дисциплины и патернализма

Государственное управление в Японии определяется системой так называемой «карьерной бюрократии», в результате чего бюрократия в Японии структурирована по признаку поколений, в пределах которых она гомогенизирована, стандартизирована и унифицирована, то есть не поддерживает проявления яркой индивидуальности чиновников [29]. Задачи регулирования социальной сферы в части организации социальной помощи гражданам возложены на муниципалитеты (нижний уровень местного самоуправления), вопросы среднего образования и здравоохранения — на префектуры. При этом финанси-

рование и контроль качества предоставляемых услуг осуществляется соответствующими министерствами центрального правительства, что существенно ограничивает самостоятельность местного самоуправления [29].

Социальные инновации инициируются как снизу в формате централизации и популяризации наиболее успешных практик муниципалитетов (например, инициатива о бесплатном медицинском обслуживании престарелых), так и путем прямого административного руководства, когда центральное правительство напрямую определяет форму осуществления тех или иных социальных услуг с помощью определенных практик, разработанных с участием государственного финансирования (внедрение технологических инноваций, например, роботов-помощников, создание которых осуществляется по заказу Министерства экономики, торговли и промышленности). В последние годы нарастает тенденция активного участия предпринимательского сообщества в решении наиболее актуальных проблем социальной сферы, таких как:

— нарастающее старение населения, сопровождаемое усилением запроса на повышение качества медицинских услуг;

— культурные особенности, исключаящие активное обращение за помощью, что стимулирует общественный запрос на технологические инновации, облегчающие повседневную жизнь для людей с различными ограничениями;

— усиление атомизации граждан, когда вследствие усиления технологизации и цифровизации всех сфер жизнедеятельности происходит разрыв социальных связей, что приводит к нарастанию стресса и возникновению психологических дисфункций.

Тем не менее в силу распространенного патерналистского сознания и консерватизма в японском обществе приоритетными являются проекты, инициируемые или поддерживаемые государством, что воспринимается как гарантия качества и минимизация рисков.

Таким образом, в Японии социальные инновации остаются сферой ответственности государства. Они могут быть инициированы и частными акторами, но для их распространения требуется одобрение со стороны соответствующих органов государственной власти и местного самоуправления. В результате,

несмотря на отсутствие активной общественной дискуссии и апробации, характерной для других моделей, эффективность социальных инноваций в общественно-значимых сферах остается достаточно высоким за счет централизации контроля качества социальных услуг, а патернализм и групповое сознание, характерные для японской культуры, обеспечивают высокий уровень доверия граждан к деятельности чиновников всех уровней, что снижает коммуникативные издержки на популяризацию и распространение предлагаемых инноваций.

Китай: технологии как средство ослабления социальных противоречий

В Китайской Народной Республике государственное управление опирается на два основополагающих принципа: с одной стороны, это патернализм, свойственный азиатской культурной матрице, с другой — это социалистическая идеология, подразумевающая ответственность государства за уровень и качество жизни граждан на условиях равенства и справедливости. Последние 20 лет в социальной сфере выстраиваются новые, приближенные к рыночным, институты [16], при этом, несмотря на стремление внести элементы личной ответственности граждан за обеспечение социальных услуг, государство продолжает оставаться основным управляющим субъектом, определяя номенклатуру предлагаемых услуг, критерии оценки их качества, а также перечень льгот, которые могут быть предоставлены гражданам для облегчения доступа к этим услугам.

Инновации официально относятся к приоритетам китайской государственной политики. В стране до 2020 года действовал Национальный среднесрочный и долгосрочный план технологического развития и план Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) «Углубление системной реформы с целью ускорения темпов реализации стратегии развития по инновационному пути» [21]. Стратегия технологического развития заключается в стимулировании инновационного предпринимательства посредством предоставления местными органами власти преференций субъектам малого бизнеса в случае, если они реализуют программы в сфере социальных инноваций. Одновременно привлекается потенциал гражданского

общества посредством координации и стимулирования деятельности общественных организаций, осуществляющих свою деятельность в социальной сфере.

Основой инновационной деятельности в социальной сфере являются потребности населения, причем наибольшее внимание уделяется тем потребностям, которые имеют потенциал социального протеста. Некоммерческий сектор, преимущественно в форме добровольческих объединений, осуществляет функции обратной связи, реализуя опросы общественного мнения с целью выявления наиболее острых запросов и разработки планов инновационной активности. Основным инструментом выступают технологические инновации, позволяющие усовершенствовать процесс предоставления социальных услуг в сфере общественных коммуникаций, здравоохранения и общественного транспорта. Наиболее показательным кейсом реализации социальных инноваций с учетом специфики китайской экономики и государственного управления является так называемый «социальный портрет» или «социальный рейтинг» гражданина. В настоящее время граждане получают социальные преференции в формате скидок, льгот или поощрений за одобряемые поведенческие практики и ограничения или штрафы за порицаемые [8]. Человек при этом утрачивает часть своей субъектности, фактически превращаясь в элемент этой экосистемы, одновременно получая возможность персонализированного удовлетворения своих бытовых потребностей.

Таким образом, в Китайской народной республике социальные инновации рассматриваются как технологии, позволяющие реализовать две основные задачи. С одной стороны, технологические инновации, как и в других развитых государствах, позволяют персонализировать систему предоставления социальных услуг с целью удовлетворения потребностей конкретного человека с учетом его жизненных обстоятельств, благосостояния и ожиданий. С другой стороны, государство посредством анализа полученных массивов самых различных данных получает возможность реального и непосредственного контроля поведенческих практик и превентивного применения карательных мер. Перспективы такой системы представляют

ся достаточно неоднозначными: несмотря на то, что, несомненно, совершенствование системы предоставления социальных услуг приводит к увеличению удовлетворенности граждан и снижению социального напряжения, происходит это за счет нарастающей атомизации граждан и своеобразного замыкания человека в собственном виртуальном микро-мире. Десубъективизация человека может привести к разрушению идеологического единства и коллективистского сознания, составляющих ядро китайской культурной матрицы, снизить инновационный потенциал и предпринимательскую инициативу, что в долгосрочной перспективе приведет к разрушению тенденции интенсивного экономического развития, составившего славу современной КНР.

Индия: цель — снижение неравенства

Национальный девиз Индии сформулирован как «Единство в разнообразии», что подчеркивает сложную социальную структуру этого многонационального и поликонфессионального социума. Государственное управление, особенно в социальной сфере, в таких условиях опирается на неизменность и нерушимость принципов политического нейтралитета и толерантности при одновременном учете множества культурных и религиозных традиций. При этом особенностью менталитета индийцев является отсутствие запроса на социальное равенство, то есть сложившаяся система строгой иерархичности и крайней социальной асимметрии не встречает активного неприятия или сопротивления, что позволяет сохранять сегрегационные социальные практики [12].

Тем не менее суть социальной политики государства с момента обретения независимости составляет именно преодоление бедности и совершенствование качества жизни. Национальным советом по инновациям была предложена стратегия, предусматривающая систему поддержки простых низовых инноваций [15], финансирование которых осуществляется в форме грантов как правительственных, так и от международных организаций. В рамках этой системы добровольческая организация «Общество исследования и инициатив для устойчивых технологий и институтов» (Society for Research and Initiatives for Sustainable Technologies and Institutions,

SRISTI) ищет, систематизирует и документирует изобретения и инновации, создаваемые малоимущими гражданами, проводит их апробацию, в случае необходимости — обеспечивает доработку проекта, оформляет авторское право на изобретение, и, наконец, способствует его распространению. SRISTI реализует программу, целью которой является обеспечение коммуникации между изобретателями и научно-экспертным сообществом, и образовательную программу, направленную на повышение образовательного уровня в целом, привлечение студентов к работе с низовыми инновациями и вовлечение в эту деятельность женщин.

При этом несмотря на то, что Индия является одним из государств с наиболее развитым высокотехнологическим инновационным потенциалом, в отличие от Китая здесь социальные инновации не имеют ярко-выраженного цифрового характера. Напротив, большинство поддержанных низовых инноваций сосредоточены в сфере заполнения технологических пробелов, более рационального использования ограниченных ресурсов. Фактически инновационным в этой системе является не содержание изобретений, которые зачастую представляют собой адаптированные и локализованные варианты известных технологий, например, в IT-сфере, а их влияние на инклюзию малоимущих социальных групп в современные технологические цепочки [10].

Таким образом, система инноваций в социальной сфере Индии имеет выраженную мотивационную составляющую. Ее основной целью является не удовлетворение потребностей отдельных нуждающихся субъектов (граждан или социальных групп), а создание условий для их вовлечения в активное социальное взаимодействие и стимулирование самоорганизации. Разработка технических инноваций, повышающих качество здравоохранения, образования или социальной поддержки осуществляется в рамках государственного финансирования, институты гражданского общества принимают на себя обязанности выявления возможностей решения местных проблем с учетом культурно-религиозной специфики, а формат государственно-частного партнерства позволяет коммерциализировать наиболее успешные

или востребованные практики и технологии для повышения качества жизни в сообществах как за счет непосредственно обеспечения дохода от изобретения, так и за счет качественного изменения условий быта, например, совершенствования водоснабжения или агротехнологий. Основной целью этой системы является обеспечение равного доступа к социальным услугам, как физического, так и финансового, для всех граждан, независимо от их места проживания, национальной или конфессиональной принадлежности. Это модель развития малоимущих социальных групп за счет включения их в экономическую активность страны. Пользуясь словами известной притчи, можно сказать, что она предусматривает раздачу удочек, а не рыбы.

К сожалению, полноценного анализа влияния новой модели инновационного развития страны до настоящего времени не проводилось, а потому определить, какое именно влияние на решение ключевых проблем индийской социальной сферы (высокий уровень бедности и безработицы, нехватка и низкое качество жилищ, медицинского обслуживания, образования, высокий уровень экологических угроз) она оказала, не представляется возможным.

Систематизируя инновационные практики зарубежных государств, механизм государственной социальной инновационной политики, основанной на учете потребностей граждан, можно сформировать следующим образом:

1) по итогам научных исследований разрабатываются стандарты и нормативы наиболее востребованных услуг в социальной сфере;

2) государством проводится процедура учреждения или отбора организаций, которые готовы предоставлять эти услуги. В регионах, где рынок социальных услуг развит, а спрос на них велик (например, в мегаполисах), преимущество отдается аутсорсингу, так как это позволяет снизить бюджетные расходы;

3) организации, функционирующие в этой системе, в процессе предоставления услуг взаимодействуют с потребителями и выявляют уровень их удовлетворенности;

4) граждане, не удовлетворенные предложенной системой, в свою очередь актив-

но используют предложенные механизмы обратной связи для влияния на процедуру предоставления или номенклатуру предлагаемых услуг;

5) при этом параллельно формируются инновации, как технологические, так и организационные. В регионах с конкурентной социальной сферой такие инновации начинают внедряться организациями, предоставляющими услуги. Обобщение региональной практики позволяет принять решение о внедрении инновации на общегосударственном уровне;

6) по итогам внедрения инноваций происходит корректировка перечня социальных услуг, предоставление которых проходит с государственной поддержкой, а также корректируются критерии их качества.

Таким образом, именно учет потребностей граждан позволяет обеспечить инновационное развитие социальной сферы, одновременно реализуя обе функции социальных инноваций: и технологическое развитие, и организационные нововведения. Важнейшей в этой системе становится организация обратной связи, позволяющая решить целый ряд проблем: выявление социальных потребностей граждан, оценку эффективности технологических инноваций в их удовлетворении и одновременно формирование потребностей посредством популяризации этих инноваций.

Заключение и дискуссия. Итак, социальные услуги — это вид общественных благ, представляющий собой деятельность по удовлетворению общественных потребностей в социальной сфере на условиях совместного потребления в неконкурентной среде и с неограниченным доступом большинства граждан, которые в отдельных случаях могут носить навязанный характер. Их особенности в сравнении с другими видами экономических услуг определяют значение, которое приобретает государство в этой сфере, фактически являясь третьей стороной договора и определяя его важнейшие условия: номенклатуру предоставляемых услуг, критерии оценки их качества и цену.

Ключевыми новациями, которые определяют эффективность государственной социальной инновационной политики, являются новые формы организации коммуникаций.

В первую очередь к ним относятся методы активизации гражданского участия, основывающиеся на создании такой конфигурации взаимодействия населения и органов государственной власти, которая позволила бы обеспечить соуправление в формате партнерских отношений. Осуществляется это за счет активизации способности местного сообщества и отдельных граждан самостоятельно реагировать на возникающие риски и угрозы и адаптироваться к кризисам посредством максимально эффективного использования имеющихся в их распоряжении ресурсов, что позволяет не устранить эти риски, а предотвратить их разрушительные или дестабилизирующие последствия. Субъектом управления, особенно на региональном уровне, в этом случае становится местное сообщество и отдельные институты гражданского общества, которые принимают на себя функции как по предоставлению основных социальных услуг, так и по обеспечению безопасности, устойчивости и управляемости всего региона [30].

Для активизации социального и инновационного потенциала местных сообществ используются маркетинговые методы формирования устойчивого спроса. При этом следует учитывать, что любые экономические методы стимулирования будут неэффективны, если предлагаемые потребителю инновации не демонстрируют результативность, причем не только в традиционном смысле снижения издержек производителя услуги, но и в социальном. Большинство инноваций в социальной сфере, которые получают поддержку в рамках диджитализации, сосредоточены именно на экономическом эффекте, а именно: оптимизации организаций, предоставляющих социальные услуги, сокращении расходов местных бюджетов, исключении или сокращении коррупциогенных рисков, связанных с взаимодействием чиновников и потребителей услуг, сокращении затрат на проведение исследовательской и экспертной работы за счет использования массива big data в сочетании с современными методами автоматизированного анализа.

Однако технологические инновации имеют издержки, большая часть которых находится в психолого-социальной плоскости. Во-первых, формализация процесса принятия решения об условиях и порядке предо-

ставления социальных услуг исключает саму возможность их персонализации, причем один из ключевых критериев оценки их качества со стороны потребителей — это именно учет личностных особенностей и жизненных обстоятельств конкретного клиента. Во-вторых, исключение личностного фактора при оказании услуги, как было указано выше, исключает возможность установления прочных социальных связей, другими словами, потребитель не воспринимает того, кто предоставляет ему услугу, как личность, с которой можно выстроить личностные отношения. В результате у потребителя не формируется лояльность и доверие к поставщику, а, следовательно, снижается удовлетворенность процессом получения услуги. В-третьих, остро актуальной становится проблема обеспечения информационной безопасности. Люди, нуждающиеся в социальных услугах, зачастую уязвимы в отношении преступного поведения: юридическая практика полна примерами мошенничеств, осуществляемых от имени социальных служб в отношении одиноких пенсионеров, инвалидов, семей, находящихся в сложных жизненных ситуациях, детей-сирот. Оцифровка их личных данных и банковских реквизитов, конечно, существенно упрощает процесс получения ими социальных услуг, но одновременно формирует угрозу «утечки» этих данных в недобросовестные руки. И, наконец, в-четвертых, проблема, на которую очень мало обращают внимание — десоциализация потребителей социальных услуг, их исключение из социума, что существенно снижает их качество жизни и фактически тем самым нивелирует саму цель системы социальных услуг.

Также следует учитывать, что в России потребители социальных услуг отличаются консервативностью и инертностью, а потому помимо простого информирования процесс внедрения новых технологий или организационных практик должен сопровождаться разъяснением их удобства и популяризацией, вплоть до агитации. Так, даже внедрение такой удобной и прозрачной технологии, как электронная очередь в медицинских учреждениях, столкнулось с неготовностью некоторых категорий граждан, например, пенсионеров, к их использованию. Посетители поликлиник все равно стараются сохранить

элементы «живой очереди», а запись на определенное время онлайн до сих пор остается предлагаемой, но не распространенной практикой [9; 11].

Таким образом, внедрение инноваций в социальную сферу не может руководствоваться исключительно экономическими мотивами и нуждается в дополнительной оценке социальной результативности, что снова возвращает фокус внимания управляющих субъектов к проблеме эффективной коммуникации между поставщиками социальных услуг (как государственных, так и выполняющих свои функции в формате аутсорсинга) и потребителями с целью выявления их реальных нужд, ценностей и интересов, а также уровня их удовлетворенности перечнем и качеством предоставляемых услуг.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что в условиях инновативной экономики социальные услуги выполняют три важнейшие функции. Активное использование технологических инноваций в социальной сфере позволяет снизить затраты государства на выполнение функции поддержки нуждающихся граждан. Одновременно стимулирование инновационной активности в социальной сфере позволяет актуализировать потенциал местного сообщества, в том числе в части изобретения технических и организационных инноваций, обеспечивая тем самым социально-экономическое развитие всего государства. И, в свою очередь, активизированное местное сообщество способствует совершенствованию коммуникационных практик, повышая тем самым уровень эмпатии и доверия, что способствует упрочению социального единства. Однако для выполнения этих функций инновации в социальной сфере должны опираться на социальные инновации, то есть реализовать этот механизм можно только в условиях описанной выше трансформации системы государственного управления, что связано с необходимостью урегулирования некоторых институциональных противоречий.

Список источников

1. 100 социальных инноваций Финляндии [Электронный ресурс] / Ред. И. Тайпале. Хельсинки: Nakaraino, 2018.

360 с. URL: <https://finlandabroad.fi/documents/4248263/0/100+социальных+инноваций+из+Финляндии.pdf/a94b5d82-ce28-963c-d52d-6c336dc79ce1?t=1579007867192> (дата обращения: 14.06.2023).

2. Акимова С.Л. Финские инновации в медицине и социальной сфере // Педиатр. 2017. Т. 8. №1. С. 120–129.

3. Алтуфьева Н.В. Теоретические аспекты понятий «инновации» и «инновационный потенциал» в системе социально-экономического развития // Теоретическая экономика. 2020. №11. С. 67–75.

4. Антонова Н.В., Еремина О.Ю. Социальные функции государства: новые векторы развития // Журнал российского права. 2020. №12. С. 89–102.

5. Апокина К.В., Зубайдуллина В.Р. Социальное предпринимательство в Великобритании [Электронный ресурс] // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2019. №6. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2019/06/16602> (дата обращения: 04.04.2023).

6. Васильева Е.А. Трансформация государственной службы в условиях административной реформы: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. СПб., 2016. 364 с.

7. Волчкова Л.Т., Васильева Е.А. Качество государственного управления: теоретический аспект // Социологическая эпистемология и методология в XXI веке: материалы Первых Ковалевских чтений. СПб.: Астерион, 2006. 390 с.

8. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году / Отв. ред. В.К. Левашов, Г.В. Осипов, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с.

9. Ивахненко С.Д., Мельник А.А., Зарипова Т.В. Оценка доступности дистанционной записи на прием к врачу в поликлиниках г. Екатеринбурга // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения. Материалы IV Международной (74 Всероссийской) научно-практической конференции молодых ученых и студентов, Всероссийского форума медицинских и фармацевтических вузов, посвященные 100-летию со дня рождения ректо-

ра Свердловского государственного медицинского института, профессора В.Н. Климова. Екатеринбург: Изд-во УГМУ, 2019. С. 603–608.

10. Кириченко И.В. Индия: социальная составляющая инновационной политики // Инновации. 2019. №8(250). С. 71–75.

11. Красноставская Н.В., Шевцова И.Е. Поведение индивидуальных потребителей услуг частных медицинских центров на предпокупочных стадиях в виртуальном пространстве [Электронный ресурс] // Вестник евразийской науки. 2018. Т. 10. №2. URL: <https://esj.today/PDF/86ECVN218.pdf> (дата обращения: 21.07.2023).

12. Леонова О.Г. Индия: единство в разнообразии. Феномен индийского секуляризма // Социально-гуманитарные знания. 2018. №8. С. 229–241.

13. Лихнович Ю.Ю. Социальная сфера и социальная инфраструктура: подходы к определению // Сборник научных трудов ВУЗов России «Проблемы экономики, финансов и управления производством». 2008. №25. С. 304–310.

14. Мартынюк А.В., Зарецкий А.В., Макаров М.А., Разнобарский И.И. Инновационный менеджмент: основные понятия, классификация и сущность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. №7. С. 107–110.

15. Мировой опыт инновационной политики: очерки / Под ред. С.В. Вольфсона. Вып. 2. Томск: Томский государственный университет, 2013. 287 с.

16. Мозиас П.М. Социальная сфера Китая: тенденции и проблемы развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2018. №3. С. 99–105.

17. Морозова Г.А. Процесс совершенствования государственного управления // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. 2014. №2(104). С. 256–262.

18. Питерская Е.С. Современные этносоциальные исследования в канадской и американской Арктике // Серия Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Т. 179. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005. 38 с.

19. Рубцова М.В. Социологическая теория управляемости. СПб.: Книжный дом, 2010. 182 с.

20. Соловьева С.В. Новые подходы в управлении учреждениями социальной сферы Германии: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Н. Новгород, 2005. 23 с.

21. Соловьева Т.С., Попов А.В., Каро-Гонсалес А., Хуа Ли. Социальные инновации в Испании, Китае и России: ключевые аспекты развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. №2. С. 52–68.

22. Социально-экономический анализ инновационного управления цифровыми медиакоммуникациями / Н.Л. Захаров, Н.Н. Покровская, Т.В. Сметанина, С.Н. Малявин, А.В. Чечулин, С.И. Шелонаев. СПб.: ВВМ, 2022. 196 с.

23. Супрыгина Г.Г. Обзор немецкого «Социального государства» и его трансформаций // Вестник КемГУ. 2013. №2(54). С. 140–146.

24. Тарасенко А.В. Диверсификация сферы социальных услуг в России: факторы региональных различий // Препринт М-58/17. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 28 с.

25. Целых М.П. Модернизация социальной работы в Великобритании на рубеже XX–XXI веков [Электронный ресурс] // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-sotsialnoy-raboty-v-velikobritanii-na-rubezhe-hh-xxi-vekov> (дата обращения: 07.06.2023).

26. Чилькина К.В. Солидарность в немецком праве: к вопросу о сущности и истории развития социального государства // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XVII Международной научно-практической конференции. В 3-х т. Т. 2. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2020. С. 50–56.

27. Шевченко И.В., Александрова Е.Н. Инновационная экономика: вопросы теории и основные тенденции развития // Финансы и кредит. 2005. №14(182). С. 7–16.

28. Экономика и государство: новые стимулы и вызовы экономического развития в условиях долгосрочной вирусной пандемии: коллективная монография / Под ред. И.В. Ми-

халёва, И.Л. Литвиненко. М.: МГГЭУ, 2022. 334 с.

29. Япония в эпоху великих трансформаций / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2020. 320 с.

30. Bryson J., Beimer-Farris B. A., Bassett T. Promises and pitfalls of adaptive management in thinking sustainability: the lens of political ecology // Sustainability in the cultural landscape: understanding and managing changes in the human environment. Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2012. Pp. 283–299.

31. Massey A. Governance: public governance to social innovation? // Policy & Politics. 2016. №44(4). Pp. 663–675.

32. Peters G., Pierre J. Governance, Accountability and Democratic Legitimacy // Governance and Democracy: Comparing National, European and International Experience / A. Benz, Y. Papadopoulos (eds.). London: Routledge, 2006. 320 p.

33. Samuelson P. The Pure Theory of Public expenditure // Review of economics. 1954. Vol. 36. №4. Pp. 387–389.

34. Schumpeter J.A. Capitalism, socialism and democracy. London, New York: Taylor & Francis e-Library, 2003. 456 p.

References

1. 100 social'nyh innovacij Finljandii [100 social innovations of Finland] [Elektronnyj resurs]. In I. Tajpale (eds.). Hel'sinki: Haka-paino, 2018. 360 p. URL: <https://finlandabroad.fi/documents/4248263/0/100+social'nyh+innovacij+iz+Finljandii.pdf/a94b5d82-ce28-963cd52d-6c336dc79ce1?t=1579007867192> (data obrashhenija: 14.06.2023). (In Russ.).

2. Akimova S.L. Finskie innovacii v medicine i social'noj sfere [Finnish innovations in medicine and social sphere]. *Pediatr [Pediatrician]*. 2017; 8(1): 120–129. (In Russ.).

3. Altuf'eva N.V. Teoreticheskie aspekty ponjatij «innovacii» i «innovacionnyj potencial» v sisteme social'no-jekonomicheskogo razvitija [Theoretical aspects of the concepts of «innovation» and «innovation potential» in the system of socio-economic development]. *Teoreticheskaja jekonomika [Theoretical economics]*. 2020; (11): 67–75. (In Russ.).

4. Antonova N. V., Eremina O. Ju. Social'nye funkicii gosudarstva: novye vektory razvit-

ija [Social functions of the state: new vectors of development]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2020; (12): 89–102. (In Russ.).

5. Apokina K. V., Zubajdullina V. R. Social'noe predprinimatel'stvo v Velikobritanii [Social entrepreneurship in the UK] [Elektronnyj resurs]. *Jekonomika i menedzhment innovacionnyh tehnologij* [Economics and management of innovative technologies]. 2019; (6). URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2019/06/16602> (data obrashhenija: 04.04.2023). (In Russ.).

6. Vasil'eva E. A. Transformacija gosudarstvennoj sluzhby v uslovijah administrativnoj reformy: dis. ... d-ra sociol. nauk [Transformation of the civil service in the conditions of administrative reform. Dr. Sci. (Sociology) diss.]: 22.00.08. Saint Petersburg, 2016. 364 p. (In Russ.).

7. Volchkova L. T., Vasil'eva E. A. Kachestvo gosudarstvennogo upravlenija: teoreticheskij aspekt [The quality of public administration: a theoretical aspect]. Sociologicheskaja jepistemologija i metodologija v XXI veke: materialy Pervyh Kovalevskih chtenij [Sociological epistemology and methodology in the XXI century: materials of the First Kovalev readings]. Saint Petersburg.: Asterion, 2006. 390 p. (In Russ.).

8. Vyzovy pandemii i strategicheskaja povestka dnja dlja obshhestva i gosudarstva: social'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaja situacija v 2021 godu [The challenges of the pandemic and the strategic agenda for society and the state: socio-political situation and demographic situation in 2021]. Otv. red. V. K. Levashov, G. V. Osipov, S. V. Rjazancev, T. K. Rostovskaja [In V. K. Levashov, G. V. Osipov, S. V. Rjazantsev, T. K. Rostovskaya (eds.)]. Moscow: FNISC RAN, 2021. 558 p. (In Russ.).

9. Ivahnenko S. D., Mel'nik A. A., Zaripova T. V. Ocenka dostupnosti distancionnoj zapisi na priem k vrachu v poliklinikah g. Ekaterinburga [Assessment of the availability of a remote appointment with a doctor in the polyclinics of Yekaterinburg]. Aktual'nye voprosy sovremennoj medicinskoj nauki i zdravooohranenija. Materialy IV Mezhdunarodnoj (74 Vserossijskoj) nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh i studentov, Vserossijskogo foruma medicinskih i farmacevticheskikh vuzov, posvjashhennye 100-letiju so dnja rozhdenija rektora Sverdlovskogo gosudarstvennogo medicinskogo instituta, professora V. N. Klimova [Topical is-

ues of modern medical science and healthcare. Materials of the IV International (74 All-Russian) scientific and practical conference of young scientists and students, the All-Russian Forum of Medical and Pharmaceutical Universities dedicated to the 100th anniversary of the birth of the rector of the Sverdlovsk State Medical Institute, Professor V. N. Klimov]. Ekaterinburg: Izd-vo UGMU, 2019. Pp. 603–608. (In Russ.).

10. Kirichenko I. V. Indija: social'naja sostavljajushhaja innovacionnoj politiki [India: the social component of innovation policy]. *Innovacii* [Innovations]. 2019; 8(250): 71–75. (In Russ.).

11. Krasnostavskaja N. V., Shevcova I. E. Povedenie individual'nyh potrebitelej uslug chastnyh medicinskih centrov na predpokupochnyh stadijah v virtual'nom prostranstve [Behavior of individual consumers of services of private medical centers at the pre-purchase stages in the virtual space] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik evrazijskoj nauki* [Bulletin of Eurasian Science]. 2018; 10(2). URL: <https://esj.today/PDF/86ECVN218.pdf> (data obrashhenija: 21.07.2023). (In Russ.).

12. Leonova O. G. Indija: edinstvo v raznobrazii. Fenomen indijskogo sekularizma [India: Unity in Diversity. The phenomenon of Indian secularism]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge]. 2018; (8): 229–241. (In Russ.).

13. Lihnovich Ju. Ju. Social'naja sfera i social'naja infrastruktura: podhody k opredeleniju [Social sphere and social infrastructure: approaches to definition]. Sbornik nauchnyh trudov VUZov Rossii «Problemy jekonomiki, finansov i upravlenija proizvodstvom» [Collection of scientific papers of Russian universities «Problems of economics, finance and production management»]. 2008; (25): 304–310. (In Russ.).

14. Martynjuk A. V., Zareckij A. V., Makarov M. A., Raznobarskij I. I. Innovacionnyj menedzhment: osnovnye ponjatija, klassifikacija i sushhnost' [Innovation management: basic concepts, classification and essence]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Actual problems of humanities and natural sciences]. 2012; (7): 107–110. (In Russ.).

15. Mirovoj opyt innovacionnoj politiki: ocherki [World experience of innovation policy: essays]. Pod red. S. V. Vol'fsona [In S. V. Wolfson (eds.)]. Issue 2. Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2013. 287 p. (In Russ.).

16. Moziar P.M. Social'naja sfera Kitaja: tendencii i problemy razvitija [The social sphere of China: trends and problems of development]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 9: Vostokovedenie i afrikanistika: Referativnyj zhurnal* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 9: Oriental and African Studies: An Abstract Journal]. 2018; (3): 99–105. (In Russ.).
17. Morozova G.A. Process sovershenstvovaniya gosudarstvennogo upravlenija [The process of improving public administration]. *Trudy Nizhegorodskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta im. R.E. Alekseeva* [Proceedings of the Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev]. 2014; 2(104): 256–262. (In Russ.).
18. Piterskaja E.S. Sovremennye jetnosocial'nye issledovaniya v kanadskoj i amerikanskoj Arktike [Modern ethnosocial studies in the Canadian and American Arctic]. Serija Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj jetnologii [Research series on applied and urgent Ethnology]. Vol. 179. Moscow: Institut jetnologii i antropologii RAN, 2005. 38 p. (In Russ.).
19. Rubcova M.V. Sociologicheskaja teorija upravljaemosti [Sociological theory of controllability]. Saint Petersburg: Knizhnyj dom, 2010. 182 p. (In Russ.).
20. Solov'eva S.V. Novye podhody v upravlenii uchrezhdenijami social'noj sfery Germanii: sociologicheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk [New approaches in the management of social institutions in Germany: sociological aspect. Ph. D. (Sociologie) Thesis]: 22.00.08. N. Novgorod, 2005. 23 p. (In Russ.).
21. Solov'eva T. S., Popov A.V., Karogonsales A., Hua Li. Social'nye innovacii v Ispanii, Kitae i Rossii: kljuchevyje aspekty razvitija [Social innovations in Spain, China and Russia: key aspects of development]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2018; 11(2): 52–68. (In Russ.).
22. Social'no-jekonomicheskij analiz innovacionnogo upravlenija cifrovymi mediakommunikacijami [Socio-economic analysis of innovative management of digital media communications]. N.L. Zaharov, N.N. Pokrovskaja, T.V. Smetanina, S.N. Maljavin, A.V. Chechulin, S.I. Shelonaev. Saint Petersburg: VVM, 2022. 196 p. (In Russ.).
23. Suprygina G.G. Obzor nemeckogo «Social'nogo gosudarstva» i ego transformacij [Review of the German «Welfare State» and its transformations]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of KemSU]. 2013; 2(54): 140–146. (In Russ.).
24. Tarasenko A.V. Diversifikacija sfery social'nyh uslug v Rossii: faktory regional'nyh razlichij [Diversification of social services in Russia: factors of regional differences]. Preprint M-58/17. Saint Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017. 28 p. (In Russ.).
25. Celyh M.P. Modernizacija social'noj raboty v Velikobritanii na rubezhe HH-XXI vekov [Modernization of social work in Great Britain at the turn of the XX–XXI centuries] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik Taganrogsckogo instituta imeni A.P. Chehova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov]. 2011; (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-sotsialnoy-raboty-v-velikobritanii-na-rubezhe-hh-xxi-vekov> (data obrashhenija: 07.06.2023). (In Russ.).
26. Chil'kina K.V. Solidarnost' v nemeckom prave: k voprosu o sushhnosti i istorii razvitija social'nogo gosudarstva [Solidarity in German law: on the question of the essence and history of the development of the welfare state]. Tatishhevskie chtenija: aktual'nye problemy nauki i praktiki. Materialy XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii [Tatishchev readings: actual problems of science and practice. Materials of the XVII International Scientific and Practical Conference]. In 3 v. Vol. 2. Tol'jatti: Volzhskij universitet imeni V.N. Tatishheva, 2020. Pp. 50–56. (In Russ.).
27. Shevchenko I.V., Aleksandrova E.N. Innovacionnaja jekonomika: voprosy teorii i osnovnye tendencii razvitija [Innovative Economics: questions of theory and main development trends]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit]. 2005; 14(182): 7–16.
28. Jekonomika i gosudarstvo: novye stimuly i vyzovy jekonomicheskogo razvitija v uslovijah dolgosrochnoj virusnoj pandemii: kollektivnaja monografija [Economy and State: new incentives and challenges for economic development in the context of a long-term viral pandemic: a collective monograph]. Pod red. I.V. Mihaljova, I.L. Litvinenko [In I.V. Mikha-

lev, I. L. Litvinenko (eds.)). Moscow: MGGJeU, 2022. 334 p. (In Russ.).

29. Japonija v jepohu velikih transformacij [Japan in the era of great transformations]. Pod red. D.V. Strel'cova [In D.V. Streltsov (eds.)]. Moscow: AIRO-HHI, 2020. 320 p. (In Russ.).

30. Bryson J., Beimer-Farris B. A., Bassett T. Promises and pitfalls of adaptive management in thinking sustainability: the lens of political ecology. Sustainability in the cultural landscape: understanding and managing changes in the human environment. Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2012. Pp. 283–299.

31. Massey A. Governance: public governance to social innovation? *Policy & Politics*. 2016; 44 (4): 663–675.

32. Peters G., Pierre J. Governance, Accountability and Democratic Legitimacy. Governance and Democracy: Comparing National, European and International Experience. A. Benz, Y. Papadopoulos (eds.). London: Routledge, 2006. 320 p.

33. Samuelson P. The Pure Theory of Public expenditure. *Review of economics*. 1954; 36(4): 387–389.

34. Schumpeter J.A. Capitalism, socialism and democracy. London, New York: Taylor & Francis e-Library, 2003. 456 p.

Статья поступила в редакцию 18.08.2023; одобрена после рецензирования 16.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 18.08.2023; approved after reviewing on 16.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильева Елена Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Elena A. Vasilieva — Doctor of Sociological Sciences, Professor of Sociological chair, Herzen State Pedagogical University of Russia.

48 Moika Emb., St. Petersburg, Russia

Борисов Александр Федосеевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Aleksandr F. Borisov — Doctor of Sociological Sciences, Professor of Sociological chair, Herzen State Pedagogical University of Russia.

48 Moika Embankment, St. Petersburg, Russia

Чечулин Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры «Связи с общественностью», Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Россия, г. Санкт-Петербург, ул. проф. Попова, 5

Alexey V. Chechulin — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Public Relations chair, Saint-Petersburg Electrotechnical University «LETI» (ETU).

5 Prof. Popova str., Saint Petersburg, Russia

Вклад авторов:

Васильева Е. А. — концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Борисов А. Ф. — научное руководство; концепция исследования; итоговые выводы.

Чечулин А. В. — развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Vasilieva E. A. — research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Borisov A. F. — scientific management; research concept; final conclusions.

Chechulin A. V. — development of methodology; follow-on version of the text; final conclusions.